К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА «ОСНОВЫ АРХЕОЛОГИИ»

Советская археологическая наука за 35 лет своего существования добилась значительных успехов. Опираясь на прочную базу марксистско-ленинской методологии, наши археологи создали совершенно новую методику раскопок большими площадями, позволяющую с наибольшей научной полнотой восстановить картину хозяйственной и общественной жизни наших далеких предков. Благодаря работе археологов открылись совершенно неизвестные ранее страницы древнейшей истории народов и племен, населявших территорию нашей страны. Большую роль сыграла археология в разоблачении норманистской, готской и других антинаучных теорий. Археология давно уже переросла рамки вспомогательной источниковедческой дисциплины и превратилась в самостоятельную отрасль советской исторической науки.

Разоблачение немарксистской, вульгаризаторской «теории» Марра, нанесшей значительный ущерб развитию советской археологии, открыло неисчерпаемые возможности для движения вперед археологической науки. Преодолевая теоретическое отставание, археологи с каждым годом делают все новые и новые открытия, расширяющие наши представления о жизни наших далеких предков. Естественно поэтому, что молодежь, получающая историческое образование в вузах, должна глубоко овладеть основами археологии.

В печати уже поднимались вопросы, связанные с постановкой преподавания археологии специалистам-археологам и преподавания общего курса «Основы археологии» на исторических факультетах Московского и Ленинградского университетов[1]. В настоящей статье мне хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые вопросы, возникшие в связи с чтением в течение ряда лет общего курса археологии в Воронежском университете, а также факультативного курса в Саратовском и Воронежском пединститутах.

Курс «Основы археологии», как и другие курсы нашей высшей школы, призван воспитывать студентов в духе марксистско-ленинского понимания исторического процесса, в духе непримиримой борьбы со всякими проявлениями буржуазной идеологии. Идейно-теоретическое содержание курса и его политическая направленность должны находиться в центре внимания при составлении учебников, программ, чтении лекций. Однако нельзя сказать, что в этом отношении все обстоит благополучно. Единственный учебник по археологии, автором которого является один из наших крупнейших археологов — А. В. Арциховский[2], страдает серьезными недостатками именно с точки зрения его идейно-теоретического содержания. На это уже указывалось как самим автором, так и его рецензентами[3]. Действующая ныне программа по курсу «Основы археологии»[4], несмотря на известный шаг вперед по сравнению с программой 1948 г., все же страдает еще существенными недостатками.

Программа лишь в общих чертах ориентирует лектора и студентов на необходимость критики реакционных концепций буржуазных археологов. Не акцентируется внимание на разоблачении расистских и других бредней буржуазной человеконенавистнической социологии. Отсутствует указание на необходимость критики немарксистских вульгарно-социологических взглядов Марра, преодоление которых

---

[1] А. В. Арциховский, Преподавание археологии, КСИИМК, вып. XXIX (1949); В. И. Равдоникас, Археология в Ленинградском университете, УЗ ЛГУ, СИН, вып. 13 (1949).

[2] А. В. Арциховский, Введение в археологию, изд. 3-е, М., 1947.

[3] А. В. Арциховский, Преподавание археологии, стр. 27; А. Л. Монгайт и Г. Б. Федоров, «А. В. Арциховский, Введение в археологию, изд. 3-е», КСИИМК, вып. XXVIII (1949).

[4] Программа курса «Основы археологии» (для исторических факультетов государственных университетов), Изд-во Московского университета, 1952.

является, как известно, одним из условий успешного развития археологической науки. При этом в первую очередь необходимо подвергнуть резкой критике пресловутую теорию стадиальности, о которой И. В. Сталин сказал, что «...трудно найти что-либо марксистское в этой теории»[1], и которая нанесла огромный вред археологии. В настоящее время нельзя излагать такие проблемы, как, например, проблемы происхождения славян, развития скифского общества и другие, без предварительной критики той путаницы, которая внесена в их решение марровской теорией стадиальности.

Нет в программе специального историографического введения, в котором можно было бы с наибольшей политической остротой противопоставить методологию и методику советской археологии буржуазному вещеведению. На фоне развития археологии в царской России особенно будут ясны огромные достижения советской археологической науки. Студенты должны знать имена и труды выдающихся советских археологов, о которых в программе почему-то не упоминается. В историографическом введении следует познакомить студентов также с прогрессивными направлениями в зарубежной археологии, особенно в Китае, в странах народной демократии, противопоставив их тому тупику, в который зашла реакционная буржуазная археология, превратившаяся в служанку империалистических кругов.

Археологическая наука является одним из важных участков идеологического фронта, где необходимо вести непримиримую борьбу с космополитизмом, национализмом и любыми другими проявлениями буржуазной идеологии. Отстаивание чистоты идей марксизма-ленинизма — первейшая обязанность советских археологов.

А. В. Арциховский уже ставил вопрос о необходимости включения в курс археологии не только описания материалов, но и тех выводов, к которым приходят исследователи на основании их анализа[2]. Это положение должно лечь в основу построения всего курса. Глубина курса и его теоретический уровень зависят именно от того, насколько удастся лектору на основании анализа конкретного археологического материала дать исторические обобщения и познакомить студентов с теми проблемами древнейшей истории нашей Родины, для решения которых привлекаются данные археологии. Преодоление разрыва между конкретными фактами и их теоретическим обобщением является одной из насущнейших задач советской исторической науки, в том числе и археологии.

Программа 1952 г. и в этом отношении является шагом вперед. Здесь поставлен ряд теоретических вопросов, как, например, происхождение отдельных народов, возникновение классового общества и государства, критика норманистской и готской теорий и др. Однако круг их следует значительно расширить. Постановка и разрешение теоретических проблем должны красной нитью пройти через весь курс. Здесь я лишь перечислю некоторые проблемы, не нашедшие отражения в программе, хотя они более или менее успешно решаются нашей наукой. Сюда относятся: происхождение славян[3], складывание феодальных отношений на Руси, отделение ремесла от сельского хозяйства и происхождение древне-русских городов, взаимоотношения славян с хазарами и разоблачение мифа о могуществе хазарской державы, выделение собственно скифской территории и взаимоотношения скифов и их соседей с греческими поселениями в Причерноморье, происхождение различных культур эпохи бронзы, особенности отдель-

---

[1] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 27.

[2] А. В. Арциховский. Преподавание археологии. стр. 27.

[3] Совершенно непонятно, почему эта важнейшая проблема выпала из программы 1952 г., утвержденной Министерством высшего образования СССР, в то время как в проекте программы 1950 г. на ней было акцентировано внимание. Хотя под влиянием «теории» Марра эта проблема страшно запутана и положительное ее решение в сущности только намечается, но все же нельзя на этом основании обходить ее молчанием в вузовском курсе.

ных культур эпохи неолита и выделение племенных образований этого времени, и другие. Ни одна теоретическая проблема, разрабатываемая советскими археологами, не должна быть забыта в курсе «Основы археологии»[1].

В связи с необходимостью повысить теоретический уровень курса археологии возникает вопрос, когда целесообразнее его читать. В настоящее время он читается в первом семестре 1-го курса. Тем самым лектор поставлен в весьма затруднительное положение, так как любой раздел археологии, от палеолита до средневековья, требует более глубоких знаний истории, чем те, которые получили учащиеся в средней школе. Поэтому, если лектор не хочет снижать теоретического уровня курса, он должен делать постоянные экскурсы то в историю первобытного общества, то в историю СССР, что приводит к ненужному дублированию и непредусмотренной программой затрате времени. Несоответствие между общей исторической подготовкой студентов и программой курса «Основы археологии» можно легко устранить, если читать этот курс не в первом, а в четвертом семестре, когда студенты изучили уже основные исторические дисциплины. Это дает возможность значительно повысить теоретический уровень курса археологии и глубже раскрыть основные проблемы исторической науки.

Очень важен вопрос об объеме курса археологии. В существующей программе курс совершенно правильно доводится до образования русского централизованного феодального государства. Это даст возможность осветить хотя бы в общих чертах историю материальной культуры не только раннего, но и среднего средневековья, что почти совершенно не делается в курсе истории СССР.

Сложнее другой вопрос: следует ли вводить в наш курс сведения об археологических памятниках зарубежных стран? В учебнике А. В. Арциховского и в программах 1948 г. и предшествующих лет такие сведения имеются. В программу 1952 г. включены лишь данные об археологии нашей страны. С одной стороны, такое сокращение курса дает возможность более детально изучить археологические памятники СССР, что безусловно является одной из главных целей общего курса археологии. Но с другой стороны, оно обедняет курс и лишает лектора возможности наглядно продемонстрировать общие закономерности исторического процесса и конкретно показать то место, которое народы нашей страны занимали в ходе мировой истории. В этой связи уместно вспомнить замечания И. В. Сталина, С. М. Кирова, А. А. Жданова по поводу конспекта учебника по истории СССР, где обращалось внимание на то, чтобы «...история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории...»[2]. Полагаю, что даже в очень краткий курс археологии следует ввести сведения о наиболее существенных памятниках, расположенных за пределами нашей страны, и в первую очередь об археологических памятниках Китая, славянских стран и вообще стран народной демократии. Это даст возможность на более широком историческом фоне поставить вопросы о происхождении и этническом родстве южных, западных и восточных славян, об исторических связях племен и народов нашей страны с соседними племенами и народами и многие другие.

Каждый год наши археологи открывают и изучают все новые и новые памятники. Безусловно, никакая программа и никакой учебник не могут отразить этих ежегодных открытий. Но это не значит, что наиболее существенные из них не должны включаться в курс. Дело только в том, чтобы преподаватели университетов имели возможность следить за новыми открытиями, результаты которых ежегодно сообщаются на сессиях

---

[1] В задачу настоящей работы не входит подробный разбор программы курса «Основы археологии». Автора интересует здесь ее идейно-теоретический уровень. Что касается отдельных частностей программы, то в смысле ее построения, распределения материала, состава памятников, которые подлежат изучению, и т. п., также можно сделать ряд замечаний. Например, содержание раздела «Раннее средневековье в Восточной Европе» не исчерпывает его названия. Нет общего раздела, посвященного древне-русскому городу. Выпал такой важный памятник древне-русской культуры, как старая Ладога и т. п.

[2] «К изучению истории», Партиздат ЦК ВКП(б), 1946, стр. 23.

Отделения истории и философии АН СССР и на пленумах ИИМК АН СССР, посвященных итогам работ археологических экспедиций за год. Пленумы и сессии обычно собираются в учебное время, и далеко не все преподаватели имеют возможность на них присутствовать. Думаю, что выражу общее мнение не только преподавателей археологии, но вообще всей исторической общественности, если укажу на необходимость более быстрой публикации докладов. «Краткие сообщения» ИИМК АН СССР печатают их, как правило, спустя два года. Поэтому имеется самая настоятельная потребность в издании большим тиражом тезисов докладов с обязательной рассылкой их в соответствующие научные учреждения, в том числе и университеты.

Эффективность усвоения и практического применения знаний, полученных студентами из курса археологии, во многом зависит от того, насколько они конкретно представляют себе те памятники материальной культуры, о которых идет речь в курсе. В этой связи мне хотелось бы поднять вопрос не только о наглядных пособиях к курсу археологии, но и о необходимости знакомства студентов с подлинными археологическими памятниками. Общеизвестно, что лекция значительно выигрывает при иллюстрации ее схемами, таблицами и рисунками, но специальных альбомов наглядных пособий по археологии до сих пор нет[1]. Учебник А. В. Арциховского не иллюстрирован. А между тем нужда в наглядных пособиях по курсу археологии очень большая. Университетам, где имеются кафедры археологии, и прежде всего Московскому университету, давно следует подумать о том, чтобы составить и издать специальные альбомы карт и иллюстраций к общему курсу археологии.

Однако даже сопровождение лекций самыми хорошими иллюстрациями не может дать студентам полного представления об изучаемых ими памятниках. Они должны познакомиться с ними в подлинниках и приобрести некоторые практические навыки: научиться различать отдельные виды керамики, типы орудий труда и украшений, уметь провести простейшее обследование памятников в поле. Для этого совершенно необходимо ввести в учебный план курса «Основы археологии», кроме лекций, какой-то минимум практических занятий, завершением которых должны быть экскурсии в музеи и к ближайшим археологическим памятникам. Иначе знания, получаемые студентами из лекционного курса, будут отвлеченными и мало пригодными в их последующей работе. Обязательные практические занятия сделали бы курс археологии более органической частью университетского исторического образования и способствовали бы ликвидации взгляда на археологию как на какой-то второстепенный предмет, изучение которого не имеет значения для дальнейшей практической работы, взгляда, к сожалению, имеющего распространение среди некоторой части студентов, особенно студентов-заочников. Обязательные практические занятия по археологии способствовали бы также более широкому вовлечению студентов в научную работу, что является одной из главных задач университетского образования.

В заключение мне хотелось бы вслед за А. В. Арциховским[2] снова поднять вопрос о необходимости введения курса археологии на исторических факультетах педагогических институтов. Совершенно непонятно, почему огромная армия учителей истории, которая, согласно директивам XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 гг., увеличивается еще на 45%, лишена возможности изучать этот интересный и важный для каждого учителя предмет. Знакомство с основами археологии расширяет исторический кругозор учителя и открывает бо́льшие возможности для его преподавательской деятельности. Наши лучшие учителя не только пользуются данными археологии при изложении учащимся важнейших разделов истории нашей Родины, но и широко привлекают на своих уроках местный краеведческий материал, в котором археологические памятники занимают далеко не последнее место. Привлечение археологического материала помогает учителю в интересной

---

[1] Следует заметить, что созданию наглядных пособий для исторических факультетов вообще не уделяется никакого внимания. В вузах, как правило, приходится пользоваться школьными (!) наглядными пособиями.

[2] А. В. Арциховский, Преподавание археологии, стр. 31—32.

и доступной для учащихся форме рассказать о древнейшей истории народов, живших на территории нашей Родины, дополнить программный материал данными древнейшей истории местного края. Знание археологии позволяет учителю шире развернуть внеклассную и внешкольную работу путем проведения экскурсий в музеи, к археологическим памятниникам, организации специальных походов с целью открытия новых мест обитания древнего человека и изучения истории местного края в школьном историческом кружке.

Напротив, отсутствие у учителей знаний по археологии значительно сокращает его возможности. Автору этих строк во время археологических исследований в Воронежской области не раз приходилось встречать учителей, которые не знают о существовании хорошо сохранившихся и известных в литературе славянских городищ вблизи их школ, мало знают о классических костенковских палеолитических стоянках и о других археологических достопримечательностях своей области. Понятно, что они не могут использовать местных археологических памятников в своей педагогической практике.

Некоторые учителя стремятся использовать данные археологии для оживления своей педагогической работы, но часто не обладают для этого достаточными знаниями. Приведу конкретный пример. Учитель одной из средних школ Воронежской области т. Н. в стремлении создать в селе краеведческий музей, решил раскопать курган, полагая, что раскопки привлекут внимание к археологии, разовьют в селе интерес к исторической науке. С помощью учеников он приступил к раскопкам. «Правда,— пишет он,— я копал не по правилам, так как руководствовался рассказом Пришвина (!), где ученый раскапывает курган, в одном случае прорывая траншею с севера на юг, а в другом, копая яму в центре кургана». Приведенный отрывок письма настолько выразителен, что не нуждается в комментариях. Товарищ Н., действуя из самых лучших побуждений, сам не подозревая того, нанес ущерб науке, так как разрушил очень интересный памятник. Вместе с тем и для работы самого т. Н. раскопки не дали нужных результатов, ибо в найденных вещах[1] разобраться самостоятельно он не смог.

Все это произошло вследствие того, что программа исторического отделения учительского института, которое окончил т. Н., не предусматривает ознакомления студентов хотя бы с элементами археологии. Товарищу Н. и другим студентам не рассказали в институте, что археологические памятники в нашей стране охраняются законом и раскопки их разрешаются только лицам со специальной подготовкой. В педагогических и учительских институтах не учат, как можно и без проведения раскопок собрать коллекцию археологических вещей, определить их и применить в педагогической практике.

Между тем интерес у студентов педагогических институтов и учителей к археологии и к полевым археологическим работам очень велик. Факультативные курсы лекций, отдельные лекции по археологии на курсах усовершенствования учителей, экскурсии в музеи и к археологическим памятникам всегда вызывают огромный интерес. Студенты многих педагогических институтов (Московского, Ленинградского, Ярославского, Саратовского, Томского, Рязанского, Воронежского и др.) участвуют в археологических экспедициях. Однако ни эпизодические лекции, ни факультативные курсы, ни экскурсии, ни даже участие в экспедициях не могут заменить систематического, обязательного, хотя и небольшого курса археологии, который дал бы студентам пединститутов какой-то минимум знаний в этой отрасли науки, столь необходимый в их практической работе. Необходимо ликвидировать этот пробел в историческом образовании учителей и включить курс археологии в программу педагогических и учительских институтов.

Итак, необходимо прежде всего повысить теоретический уровень курса «Основы археологии» и усилить его политическую направленность, для чего в программу должны

[1] Найденные при раскопках вещи (каменная зернотерка, фрагмент бронзового зеркала (?), наконечники стрел, бусы, глиняный горшок) относятся к I тыс. до н. э. Погребения т. Н. не нашел.

быть включены историография и основные исторические проблемы, для решения которых привлекаются данные археологии. Нужно сделать курс «Основы археологии» подлинно исторической дисциплиной. Вместе с тем, необходимо курс «Основы археологии» читать в IV семестре, а также ввести в программу минимум практических занятий, с обязательными выходами в поле. Наконец, назрела настоятельная необходимость ввести курс археологии в педагогических институтах для усовершенствования педагогического мастерства учителей-историков.

А. Н. Москаленко

О ДАТИРОВКЕ АРТХАШАСТРЫ

Вопрос о датировке Артхашастры[1] представляется весьма сложным и трудным и до сих пор еще не решен окончательно. Несмотря на разнообразие доводов, приводимых для выяснения этого вопроса, все исследования, посвященные Артхашастре, могут быть разделены на две группы: в одних, согласно установившейся индийской традиции, создание Артхашастры относится к периоду между IV и III вв. до н. э., в других, согласно европейской традиции, — к III или к первым векам нашей эры.

Индийской традиции придерживаются такие исследователи, как Р. Шамашастри, которому принадлежит заслуга открытия Артхашастры и первое издание текста памятника[2], Ганапати Шастри, издавший в 1924—1925 гг. текст Артхашастры с комментарием на санскритском языке[3], Г. Якоби, исследовавший ряд вопросов, связанных с историей и происхождением Артхашастры[4], Гопал Дамодар Тамаскар, написавший на хинди исследование об Артхашастре Каутильи[5], Джаганлал Гупта и Бхагавандас Кела, опубликовавшие на хинди исследование: «Экономические взгляды Каутильи»[6], О. Штейн[7], И. Мейер, издавший в 1926 г. немецкий перевод Артхашастры[8], Н. Ч. Бандьйопадхьяя[9], Бернгард Брелёр, посвятивший свое

---

[1] Краткие сведения об Артхашастре см. В. И. Кальянов, Артхашастра — политико-экономический трактат древней Индии, ВДИ, 1939, № 2, стр. 95—101.

[2] Kauṭilīyam Arthaçāstram. Arthasastra of Kautilya, revised and edited by R. Shama Sastri, Mysore, 1919; Kauṭilya's Arthaśāstra. Translated by dr. R. Shamasastry, with an introductory Note by the late dr. J. F. Fleet, Mysore, 1929.

[3] Kauṭalīyam Arthaçāstraṁ. The Arthasāstra of Kauṭalya, with the commentary Srīmūla of Mahāmahopādhyāya T. Gaṇapati Sāstrī. Edited by the commentator, I—III, Trivandrum, 1924—1925.

[4] H. Jacobi Zur Fhr geschichte der indischen Philosophie, SBA, 1911, стр. 732; он же, Kultur- Sprach und Literarhistorisches aus dem Kauṭilīya, там же, стр. 954; он же, Über die Echtheit des Kauṭilīya, SBA, 1912. стр. 832.

[5] Gopāl Dāmodar Tāmaskar, Kauṭilīya arthāçāstra-mīmāṅsā, (на хинди), Prayāg (Аллахабад), 1926.

[6] Jaganlāl Gupta aur Bhagavāndās Kelā, Kauṭilya ke ārthik vicār (на хинди), Vṛandāban, 1933.

[7] Otto. Stein, Megasthenes und Kauṭilya Wien, 1921.

[8] См. также, J. J. Meyer, Über das Wesen der Altindischen Rechts schriften und ihr Verhältniss zu einander und zu Kauṭilya, Leipzig, 1927.

[9] Narayan Chandra Bandyopadhyaya, Kautilya or an Exposition of his social ideal and political theory, Calcutta, 1927, т. 1.